

ТЕЙТЕЛЬБАУМ Е. Г. (КАЗАНЬ)

ВЗГЛЯДЫ ПОЛИБИЯ НА УЧАСТИЕ ПОЛКОВОДЦА В СРАЖЕНИИ

произведении древнегреческого историка Полибия «Всеобщая история» значительное место занимают описания войн и рассуждения о военном деле. Это не является случайностью, так как греческий историк был профессиональным военным и, бесспорно, хорошо разбирался в теории и практике военного дела¹. Существует даже точка зрения, что Полибий – наиболее компетентный из всех античных авторов по этому вопросу². Особенную роль на войне он отводил военачальнику. В размышлениях Полибия о роли полководца одно из главных мест занимает вопрос о его поведении в сражении.

Греческий историк много рассуждал о том, должен ли полководец лично сражаться или же исключительно командовать войсками. Мы попытаемся разобраться, был ли Полибий в этом вопросе приверженцем традиционного героического этоса или же он считал, что дело военачальника – осуществлять только командные функции.

В вопросе о том, как относился Полибий к участию военачальника в сражении, существуют две основные точки зрения. Первую представляет Ф. Уолбанк, а вторую – А. Экстайн. Согласно взглядам английского ученого, представленным в знаменитом «Историческом комментарии к Полибию», греческий историк был своеобразным «макиавеллистом» в военных и политических вопросах и считал, что настоящий военачальник должен, прежде всего, сосредоточиться на командовании войсками даже в ущерб личному

¹ Самохина Г. С. Полибий: Эпоха, судьба, труд. СПб., 1995. С. 22–23.

² Коннолли П. Греция и Рим. Эволюция военной истории. М., 2001. С. 63.

мужеству³. В этих своих построениях английский историк опирался, в первую очередь, на рассуждения, содержащиеся в книгах десятой (13.1; 33.1–7) и одиннадцатой (2.9–11) «Всеобщей истории». Действительно, значительная часть «макиавеллистских» пассажей содержится именно в этих частях труда Полибия. Эти мысли четко выражены греческим историком и как бы лежат на поверхности. Вместе с тем, на наш взгляд, Ф. Уолбанк не уделяет достаточного внимания тем мыслям Полибия о военном деле и конкретным примерам, которые содержатся в других книгах и во многом опровергают представления об авторе «Всеобщей истории» как о своеобразном «макиавеллисте».

Монография А. Экстайна посвящена моральным взглядам греческого историка. Весьма ценно для нас то обстоятельство, что исследователь подробно анализирует взгляды Полибия на военное командование и участие полководца в сражении. Данный анализ является, пожалуй, наиболее детальным во всей литературе, посвященной этому греческому историку⁴. Основная идея книги А. Экстайна состоит в том, что Полибий был приверженцем традиционного аристократического воинского этоса. Исходя из этого, американский антиковед считает, что взгляды Полибия на участие полководца в битве более сложны, чем думает Ф. Уолбанк, и, напротив, античный писатель всячески превозносил проявление военачальником личного воинского мужества в бою⁵. Действительно, заслуга А. Экстайна состоит в том, что он нашел и прокомментировал в тексте Полибия такие места (III.17.8; III.116.3–4; XI.17–18; II.1.7–8; XVI.5.1–7; X.48.8–13), где тот оправдывает и находит достойным проявление полководцем отваги в ходе непосредственного участия в сражении. Этот подход представляется более взвешен-

³ *Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybios. Oxf., 1968. Vol. II. P. 199, 244, 480.*

⁴ Рассмотрение представлений Полибия о личной храбрости полководца во время битвы: *Eckstein A. Moral Visions in The Histories of Polybios. Berkeley; Los Angeles; L., 1995. P. 28–40; о полководческом искусстве в целом см.: p. 161–193.*

⁵ *Ibid. P. 30.*

ным, но, на наш взгляд, выводы американского исследователя также могут и должны быть уточнены.

Таким образом, обе точки зрения лишь отчасти позволяют прояснить взгляды Полибия на участие полководца в битве. Для более детального рассмотрения проблемы стоит вникнуть в предысторию вопроса.

По мнению У. Тарна, в изучении военного дела античности вопрос о роли военачальника является одним из основных⁶. В гомеровскую, архаическую и классические эпохи роль полководца сводилась к выбору места и времени сражения, а также отдаче распоряжений перед битвой. Когда начиналось сражение, военачальник вставал в первые ряды своего войска и сражался в бою, как простой воин. Никто не пытался нарушить это правило, так как его обвинили бы в трусости. Причиной формирования таких взглядов была необходимость следовать правилам воинского этики и преобладание в обществе агонального духа⁷.

Кроме того, в тех условиях, когда враждующие армии состояли в основном из двух линий фалангитов, сражающихся лицом к лицу, и в отсутствие резервов, в руководстве со стороны военачальника не было особой нужды. Нельзя сбрасывать со счетов и тот моральный эффект, который производило на воинов личное участие стратега в сражении⁸. Впрочем, это правило не могло не иметь негативных последствий: частыми были случаи гибели полководца. Изменения начали происходить лишь со времени походов Александра Великого. Конечно, он, отдавая дань прежней традиции, принимал личное участие в большинстве сражений. Вместе с тем были случаи, когда он дожидался решающего момента и только после этого бросался в бой во главе своих отборных войск (Исс и Гавгамелы). Тем не менее, он сохранял контроль и над остальными частями своей армии⁹.

⁶ *Tarn W. W. Hellenistic Military and Naval Development. N. Y., 1966. P. 30.*

⁷ *Ibid.*

⁸ *Ibid. P. 31.*

⁹ *Ibid. P. 33.*

В эпоху эллинизма сформировалось правило, согласно которому военачальник командовал одним из флангов своего войска, не будучи прикрепленным к определенному месту, и появляясь там, где этого требовала ситуация. Вместе с тем многие военачальники воевали, лично сражаясь среди своих воинов, о чем есть прямое указание Полибия, причем историк не одобряет такую практику (X.24.2–3). Но даже тогда было далеко до той ситуации, когда полководец не участвует непосредственно в сражении, а находится в отдалении и оттуда следит за ходом битвы¹⁰.

При чтении «Всеобщей истории» складывается двойственное впечатление. С одной стороны, сложно пройти мимо тех моментов в тексте, где Полибий осуждает проявляемое полководцами неумеренное личное мужество. Пассажи, в которых Полибий четко и недвусмысленно говорит об этом, нередко включаются им в контекст более обширных рассуждений (X.24.2–5, 32.9–11, 33.6; XI.2.11). Так, например, римский полководец М. Клавдий Марцелл отличался, по мнению Полибия, большими талантами, но погиб по причине собственной неосторожности. Выехав на рекогносцировку местности перед сражением в сопровождении только небольшой охраны, он попал в засаду нумидийской конницы (а нумидийцы, как известно, были мастерами военных акций подобного рода) и погиб. Греческий историк назвал такое поведение достойным простака, а не полководца (ἀκακώτερον ἢ σφρατῆρικώτερον – X.32.7).

По мнению Полибия, военачальник не должен принимать участия в мелких стычках. Даже в том случае, когда обстоятельства вынуждают его принять личное участие в случайном столкновении и прежде, чем опасность непосредственно коснется самого полководца, должны пасть все его соратники (X.32.9). Греческий историк специально хвалил ахейского стратега Филопемена за то, что он на поле боя не увлекался проявлением личного мужества, а был сосредоточен, прежде всего, на командовании войсками (X.24.2–5). Впрочем, Плутарх в жизнеописании Филопемена, признавая его

¹⁰ Tarn W. W. Op. cit. P. 37.

выдающимся военачальником, отмечал в ахейском стратеге как раз противоположные черты: по его мнению, Филопемен в сражениях не руководствовался требованиями рассудка и безопасности (οὐχ πάντα λογισμῶ καὶ πρὸς ἀσφάλειαν στρατηγήσας – *Philop. et Flam. софр.* 1), в чем можно увидеть непосредственную причину его гибели¹¹.

Не осуждает Полибий и тот факт, что македонский царь Филипп V не участвовал лично в морском сражении при Хиосе в 201 г. до н. э., ожидая его результата в сопровождении нескольких лодок, расположенных у соседних островов (αὐτὸς ὑπὸ τὰς νησίδας ἀναχωρήσας μετὰ τινῶν λέμβων – XVI.2.8). Действительно, Филипп вряд ли был хорошим адмиралом, так что его личное участие в морском сражении не сильно отразилось бы на его исходе. Кроме того, известно, что македонский наварх был убит в этом сражении, а флагманский корабль македонян потоплен, так что Филипп, находясь он на нем, мог погибнуть сам. А в реальности же тот факт, что царь остался жив, помог македонскому флоту, несмотря на огромные потери, сохранить централизованное командование после битвы и, во всяком случае, организованно уйти с места сражения, исход которого остается под вопросом¹².

По мнению греческого историка, полководец должен охранять себя от напрасной опасности в бою. Полибий считал, что лучше потерять целое войско, нежели хорошего полководца. В случае же гибели военачальника войско уподобляется кораблю без рулевого, и в данной ситуации даже выигранное сражение бессмысленно (X.33.3–5). Именно поэтому греческий историк хвалит Ганнибала, который участвовал в огромном количестве сражений, но остался цел и невредим. Полибий особо отмечал в Ганнибале проницательность (ἀγχινοίαν) и заботливость (πρόνοίαν).

¹¹ Тейтельбаум Е. Г. Образ Филопемена у Полибия // Итоговая научно-образовательная конференция студентов КГУ за 2005 год. Казань, 2005. С. 34.

¹² Коннолли П. Указ. соч. С. 268.

Подобных похвал Полибий удостаивал и Сципиона Африканского Старшего. Например, известно, что при штурме Нового Карфагена он был защищен тремя рядами щитоносцев (X.13.1–2).

Итак, казалось бы, все ясно: Полибий – решительный противник личного участия полководца в сражении. Тем не менее, во «Всеобщей истории» есть немало мест, входящих, на первый взгляд, в некоторое противоречие с этой стройной концепцией. Так, Полибий находит уместным личное участие полководцев в сражении 9 раз (II.1.7–8; III.116.1–5, 17.8; X.49.9, 14; XI.2.1, 18.1–5; XVI.5.1–6, 6.1–6; frg. 159). Кроме того, отдельные отголоски подобных мыслей Полибия сохранились в произведениях Плутарха (*Aem.* 19) и Тита Ливия (XXXI.24.14), которые использовали недошедшие до нас фрагменты «Всеобщей истории» (причем Плутарх в этом месте прямо ссылается на Полибия – *Aem.* 19). Но стоит отметить, что эти взгляды не столь ярко выражены и не имеют характера обобщающих рассуждений, поэтому они менее заметны для исследователя. Необходимо остановиться на некоторых из перечисленных выше случаев.

Так, греческий историк хвалит личное мужество Антиоха III, проявленное этим царем во время его похода в Бактрию и сражения с ее царем Эвтидемом – и это при том, что Антиох отнюдь не был любимым героем Полибия¹³. Селевкидской армии во время этого похода нужно было переправиться через реку, на противоположном берегу которой стояли войска Эвтидема. Антиох понимал, что его войску нужно было выдержать первый натиск бактрийцев. Поэтому первыми переправлялись две тысячи отборных воинов, находившихся при особе царя (X.49.7). Для поддержания их духа Антиох лично возглавил передовой отряд и, как пишет Полибий, сражался в этой битве доблестнее всех своих воинов и даже был ранен (X.49.9–10). Личное участие царя в битве возымело эффект, и в результате бактрийцы были разбиты. Вместе с тем, здесь имел место и тонкий расчет опытного полководца: Антиох переправился

¹³ Welwei K.-W. Königes und Königtum in Urteil des Polybios. Herbede, 1963. S. 63.

через реку на рассвете, когда значительная часть вражеских воинов еще не вернулась из соседнего города, где они ночевали¹⁴.

Один из любимых героев Полибия, Филопеман, лично бросился преследовать спартанского тирана Маханида после того, как лакедемонская армия была разгромлена (XI.18.1–5). Показательно, что несколько раньше историк специально подчеркивал тот факт, что ахейский стратег на поле боя редко проявлял личное мужество (X.24.2). Впрочем, Полибий тут же добавляет, что в той погоне Филопемана сопровождали два его телохранителя-щитоносца (XI.18.2). Нельзя сбрасывать со счетов и исключительность этого случая: предоставлялся шанс убить или пленить главу не только вражеского войска, но и вражеского государства. Кроме того, эта погоня происходила уже после того, как сражение было выиграно ахейцами¹⁵. Впрочем, это не единственный случай, когда Филопеман, будучи одним из руководителей Ахейского союза, вступал в поединок с вражеским военачальником. В плутарховой биографии Филопемана рассказывается о его поединке в сражении с Дамофантом, начальником элейской конницы, из которого ахеец вышел победителем. При этом Плутарх писал, что этолиец сам вызвал Филопемана на поединок¹⁶ (*Philop.* 7). А Плутарх, скорее всего, при рассказе об этом эпизоде, пользовался несохранившимися до нашего времени фрагментами «Всеобщей истории»¹⁷. В указанном месте херонейский историк говорит, что Филопеман мог в равной

¹⁴ Попов А. А. Поход Антиоха III в Греко-Бактрию // *Para Bellum*. СПб., 2002. № 15. С. 34.

¹⁵ А. Экстайн считает (op. cit. P. 32), что в случае гибели Филопемана в этом поединке боеспособность ахейской армии, лишь недавно реорганизованной им, резко упала бы. С другой стороны, в этом поединке ставка была слишком высокой, о чем забывать тоже не следует.

¹⁶ По мнению А. Экстайна (op. cit. P. 31), это лишний раз говорит о том, что Полибий всегда одобрял личное участие военачальника в сражении. Что могло случиться, пишет американский исследователь, в том случае, если бы Филопеман погиб в поединке? Но вопрос можно поставить по-другому: каков был бы исход этого упорного сражения, не прими Филопеман вызова вражеского военачальника? Таким образом, риск в данном случае был вполне оправдан.

¹⁷ Ibid. P. 30.

мере и сражаться, и командовать войском. Скорее всего, эта мысль также взята у Полибия.

В вышеупомянутом сражении при Хиосе Филипп V тоже включился в бой в нужный момент. Увидев флагман пергамского флота, на котором находился царь Пергама, Филипп удачно атаковал его. В результате флагманское судно пергамцев было захвачено, а царь еле успел сбежать. Впрочем, в этой стычке на стороне македонян было большое численное превосходство (XVI.6.1–6). Таким образом, это еще один образец оправданного риска: представился шанс пленить неприятельского военачальника и царя враждебного государства. При описании этой битвы историк хвалит и героизм родосского наварха Феофилиска (XVI.5.1–6). Впрочем, в морских сражениях того времени огромную роль играли abordажные схватки¹⁸, и поэтому даже адмиралам сложно было уклониться от личного участия в бою.

Оправдывает Полибий и личное мужество Гасдрубала, брата Ганнибала, проявленное им в битве при Метавре в Италии 207 г. до н. э. (XI.2.1)¹⁹. Он должен был привести в Италию подкрепление для армии своего знаменитого брата, но римляне вынудили его принять сражение до соединения с войском Ганнибала. Некоторое время исход сражения не был решен, и Гасдрубал не сражался лично, а руководил войсками. Когда же стало ясно, что битва проиграна, Гасдрубал бросился на римлян и геройски погиб в бою. Полибий находит такое поведение достойным подражания. Так, по его мнению, пока исход битвы еще не решен, полководец должен, прежде всего, руководить войском. Но если уже ясно, что битва проиграна и пути к отходу отрезаны, то личное участие военачальника в битве и его геройская гибель являются поступком не только достойным, но и славным (XI.2.9–11). Действительно, в этом случае альтернативой гибели для Гасдрубала являлось только пленение – спастись было невозможно.

¹⁸ Коннолли П. Указ. соч. С. 267–268.

¹⁹ Этот эпизод также анализируется А. Экстайном (р. 43–44), однако он отнесен им в рубрику о «героическом самоубийстве» (р. 40–54).

Похожей была смерть отца Гасдрубала, Гамилькара Барки. Во время одного из походов в Испании он и его войско были поставлены в безвыходное положение численно превосходящим неприятелем и не имели возможности спастись. В этой ситуации Гамилькар обнаружил изумительную отвагу и расстался с жизнью как доблестный воин (II.1.8–9)²⁰.

У Т. Ливия содержится описание одного боя около Афин во время третьей Македонской войны (во фрагменте, скорее всего, заимствованном из несохранившейся части труда Полибия²¹), в котором Филипп V Македонский лично возглавил свое войско. Как пишет римский историк, личное участие Филиппа в сражении вселяло ужас в сердца неприятелей и бодрость в сердца македонских воинов (XXXI.24.14).

В некоторых случаях в опасных местах сражения появлялся и Ганнибал, как, например, при осаде Сагунта (III.17.8–9) и в сражении при Каннах (III.116.4–5). Полибий объясняет это желанием пунийского вождя поднять дух своих войск, а также большими надеждами, которые он возлагал на эти военные операции, нужно отметить, блестяще оправдавшимися.

В плутарховой биографии Эмилия Павла говорится, что Полибий всячески осуждал македонского царя Персея за то, что он оробел во время битвы при Пидне и ускакал в соседний город. Сам же Эмилий доблестно сражался (*Ает.* 19).

Наконец, имеется указание на то, что и сам Полибий вместе со Сципионом Эмилианом принимал непосредственное участие в боевых действиях, открыв ворота Карфагена, правда, в составе подразделения из тридцати воинов и будучи надежно прикрытым. Можно допустить, что этот подвиг был совершен в той ситуации,

²⁰ Любопытно, что Корнелий Непот, высоко оценивающий Гамилькара, не останавливается специально на обстоятельствах его гибели (*Нат.* 4). В современной историографии имеется точка зрения, будто бы излагаемая Полибием версия смерти карфагенянина является приукрашенной (*Walbank F. W. Op. cit. Vol. I. P. 152*).

²¹ *Walbank F. W. Philip V of Macedon. Cambr., 1967. P. 282; Eckstein A. Op. cit. P. 36.*

когда исход штурма казался неопределенным (Amm. Marc. XXIV.16–17). Более подробное описание данного случая наверняка содержалось в XI книге труда Полибия, дошедшей до нас лишь фрагментарно.

Этот эпизод можно поставить в непосредственную смысловую связь с тем местом «Всеобщей истории», где автор прямо говорит, что полководцу ненужно рисковать своей жизнью в мелких стычках, не влияющих на исход войны (X.32.9). Очевидно, в решающих сражениях такой риск допустим, примером чего служит принципиально важный пассаж историка в адрес Сципиона Старшего: зарекомендовав себя храбрым юношей в битве при Тицине, он «впоследствии каждый раз, когда на нем покоились последние надежды отечества (εἰς αὐτὸν ἀναρτηθεῖεν ὑπὸ τῆς πατρίδος αἱ τῶν ὄλων ἐλπίδες), никогда не уклонялся от опасных предприятий, что свойственно вождю рассудительному, а не тому, кто вверяет себя случайности» (X.3.7. Перев. Ф. Г. Мищенко). Как следует вести себя в подобных «опасных предприятиях», греческий историк иллюстрирует на примере все того же Сципиона при штурме Нового Карфагена: военачальник находится на поле сражения, повышая тем самым дух войск и имея возможность видеть изменения ситуации, но не подвергается непосредственной опасности (X.3.5), взгляд Полибия на роль полководца в сражении является довольно сложным и неоднозначным. По его мнению, личное участие или неучастие военачальника в сражении строго зависит от конкретной ситуации. Безоговорочно греческий историк осуждал только личное участие полководца в стычках и плохо обеспеченных охраной рекогносцировках.

Порицал он и того полководца, который необдуманно бросается в бой по каждому поводу. По мнению греческого историка, военачальник должен, прежде всего, руководить войсками. Обязан он и

заботиться о личной безопасности во время сражения, для чего лучше всего подходят телохранители-щитonosцы.

Вместе с тем бывают и такие случаи, когда личное участие полководца в сражении является вполне полезным и даже необходимым. Так, например, если нужно выдержать первый натиск неприятеля, военачальник вполне может возглавить передовой отряд своей армии для поддержания ее духа. В отдельных случаях Полибий восхищался и геройской гибелью военачальника в бою – но только если военачальник погиб в решающем сражении: так, в 159 фрагменте своего сочинения он отмечает геройскую гибель в сражении Клеомброта, Брасида, Эпаминонда и Пелопида; подобное обобщение, кстати сказать, является единичным для его труда. Некоторые современные исследователи вообще придерживаются той точки зрения, что личное участие военачальника в сражении представляет собой последнее, крайнее средство, когда ничто другое не способно переломить исход сражения: с одной стороны, поднимается боевой дух войск, а с другой стороны, сражающийся военачальник теперь гораздо хуже может руководить войсками и менее адекватно оценивает ситуацию. Кроме того, в этом случае гибель военачальника означает проигрыш сражения и полный разгром его армии: нет шансов даже на организованный отход²². Кроме того, в тех сражениях, которые происходили до начала промышленной революции, особенно велик был моральный и личностный фактор, и потому личный пример военачальника мог много значить для солдат. Еще следует отметить, что сражения того времени проходили на ограниченной территории, так что в случае резкой смены ситуации полководцу в любом случае приходилось подключаться к рукопашной схватке.

²² Белкин Ю. Н. Пирр, царь Эпира // Сержант. № 5–6. <http://sergeant.genstab.ru.epir>

Оправданным считает Полибий проявление военачальником личного мужества и в том случае, когда представляется шанс убить или пленить вражеского полководца. Наконец, правомерно – не с практической точки зрения, но в моральном плане – участие военачальника в сражении в такой ситуации, когда битва проиграна, все потеряно и нет шансов спасти войско от уничтожения.

Проведенный анализ позволяет высказать предположение, что Полибий, действительно находясь во многом в рамках традиционной для аристократии воинской морали, нередко рационализирует изложение событий, в которых от полководца требуется сочетание личного мужества с надлежащим исполнением командных функций. Неудивительно, что при обращении к столь сложному предмету, не являющемуся к тому же основным в его сочинении, греческому историку не удалось избежать некоторых противоречий.